

Черных Владимир Дмитриевич

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЖЕНИЯХ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 Г.

Статья посвящена проблемам трансформации взаимоотношений государственной власти и церковного управления во второй половине XVII в., особенно в части правовых, имущественных и межличностных связей. Рассматривается отношение высшего церковного руководства в лице патриарха Никона к политике государства в части ограничения независимости Русской Церкви от контроля государственной власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 210-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

14. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Там же. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. 2. С. 179-184.
15. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52-59.
16. Соколов В. П., Шлапак П. Д., Девятков В. И., Гришин П. И. Примерная схема увязки антирелигиозных моментов с программой ГУСа // Нижне-Волжский просвещенец. 1929. № 1-2 (5-6). С. 67-72.
17. Степухин Ф. Деда, отцы и внуки // Народный учитель. 1926. № 1. С. 60-71.
18. Сусеев А. Организация общественно-политического воспитания в школах I ступени Калмобласти. Элиста: Красный калмык, 1930. 40 с.
19. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 55. Оп. 1.
20. Шевченко В. А. Переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному: 1927-1929 гг. // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 207-213.

STUDENTS' POLITICAL EDUCATION IN SCHOOL SOCIAL SCIENCE SYSTEM IN THE 1920S - THE BEGINNING OF THE 1930S

Tat'yana Vyacheslavovna Chemodanova, Ph. D. in History
Department of Secondary General Education
Astrakhan' State University
tatyana250179@mail.ru

The author reveals the degree of social science disciplines influence on the formation of students' political ideals by the materials of Low Volga region and reproduces the specificity of the realization of the current tasks of socialist formation (country defense, anti-religious and international education) by means of children's social-political education in the 20s - the beginning of the 30s of the XXth century.

Key words and phrases: social science education; "new human being"; anti-religious education; international education; collectivism.

УДК 93/94

Статья посвящена проблемам трансформации взаимоотношений государственной власти и церковного управления во второй половине XVII в., особенно в части правовых, имущественных и межличностных связей. Рассматривается отношение высшего церковного руководства в лице патриарха Никона к политике государства в части ограничения независимости Русской Церкви от контроля государственной власти.

Ключевые слова и фразы: взаимоотношения государства и Церкви в XVII в.; Соборное Уложение 1649 г.; Русская Православная Церковь (РПЦ); патриарх Никон; Монастырский приказ; ограничение церковного землевладения.

Владимир Дмитриевич Черных

Кафедра истории и политологии

Воронежская государственная технологическая академия

marselles2006@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЖЕНИЯХ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 Г.®

Статья выполнена по государственному контракту П-313 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд от 28 июля 2009 г.

Проблема церковно-государственных отношений наиболее остро проявила себя в период усиления самодержавного начала в Московском государстве XVII в. Московская Русь видоизменяла принципы и механизмы своего государственно-политического устройства и церковно-государственного взаимодействия, последовательно проникая в церковное управление, нередко вмешиваясь во внутренние церковные вопросы.

Стратегической составляющей политики русского правительства было стремление подчинить церковное руководство системе государственной централизации. Однако до тех пор, пока финансовая составляющая церковной жизни, ее материальная основа оставались неприкасаемыми, самостоятельность Церкви была нерушима. Именно на эту составляющую жизни Церкви претендовало новое законодательство, принятое при царе Алексее Михайловиче в 1649 году, названное «Соборным Уложением».

Составление Уложения было поручено комиссии, состоявшей из князей и бояр Н. И. Одоевского, С. В. Прозоровского, окольничего князя Ф. Ф. Волковского, дьяков Ф. Грибоедова и Г. Леонтьева [6, с. 128].

Для обсуждения этого документа в Москве с сентября 1648 по январь 1649 года работал так называемый двухпалатный собор. В одной палате совещались царь, Боярская Дума и Освященный Собор, в другой - заседали выборные люди от всех чинов Российского государства. После обсуждения сборник законов был исправлен и принят 29 января. В числе членов Освященного Собора 1648-49 гг., входившего в состав Великой Земской Думы, на десятом месте встречаем: «Спаса Новаго монастыря архимандрит Никон руку приложил» [3, с. 25]. Правда, известный церковный историк митрополит Макарий указывает, что хотя Никон «подписался под ним вместе с другими, но подписался “поневоле”, будучи тогда только архимандритом» [4, с. 398].

Соборное Уложение 1649 года явилось итогом развития русского законотворчества допетровской эпохи, это был первый в истории России систематизированный закон. Текст состоял из 25 глав и 967 статей. Как действующий сборник законов Уложение использовалось до принятия Николаем I в 1832 году «Свода законов Российской империи». Соборное Уложение отражало сложившийся баланс сил в России, когда в стране остро встал вопрос о земле и власти. Таким образом, четко определились силы - новое боярство и дворянство, которые были готовы поддержать самодержавную власть на условии предоставления им земель и крестьянства. Огромные земельные богатства и сложившиеся административно-судебные привилегии Церкви входили в противоречие с проводимой государством политикой централизации государственного аппарата управления и вызывали протесты со стороны дворянства.

Необходимость появления Уложения была вызвана настоятельной потребностью собрать, соединить и унифицировать многочисленные указы и законы, которые хранились в различных Приказах и зачастую противоречили друг другу. Существовавший же сборник законов в виде Судебника 1550 г. безнадежно устарел.

Соборное Уложение стало первым светским памятником, разбиравшим преступления против Церкви и назначавшим наказания за них. С этого момента государственная власть брала под свою защиту вероучительные истины, называя преступление против вероучения хулой на Бога. Данная позиция позволяла любое отличное от православия учение или общественное движение объявить ересью и наказывать сожжением [7, гл. 1, ст. 1]. Основное внимание в Соборном Уложении уделено благочинию церковных служб. Любой виновный в срыве богослужения любым способом подлежал смертной казни [Там же, ст. 2]. За «непристойные слова», сказанные в адрес священника в церкви, предусматривалось наказание в виде «торговой казни» [Там же, ст. 3], т.е. битья кнутом на базарной площади. Совершение уголовных преступлений в церковных стенах считалось отягчающим обстоятельством. При этом не брались в расчет никакие смягчающие мотивы и обстоятельства такого преступления [Там же, ст. 4-5]. Поднимая авторитет церковной службы, государство приравнивает решение светских вопросов во время богослужения (например, в виде подачи челобитных царю или патриарху) к «смятению в церкви» и определяет строгое наказание.

Для нас особенно важны те главы, в которых дается правовая основа будущему взаимоотношению светской власти и Церкви, имущественным и межличностным отношениям. Соборное Уложение резко наступало на права Церкви в области управления и суда. До Уложения суд по недуховным делам в отношении монастырей и священнослужителей (от митрополита и ниже) осуществлялся в Приказе Большого двorca [6, с. 351]. Здесь же духовные вотчинники, минуя общегосударственные учреждения, подлежали царскому суду, который, таким образом, был высшей инстанцией по недуховным делам. Все дела Приказного уровня компетенции, касающиеся Церкви, находились в ведении суда патриарших Приказов [9, с. 302]. С принятием Соборного Уложения духовенство потеряло свои привилегии. За исключением патриарха, все остальные высшие иерархи, а также монастыри, лишались судебного права по отношению к церковным людям, в части гражданского и уголовного делопроизводства. Подсудность Патриаршему двору патриарших служилых, дворовых людей и крестьян, живущих в патриарших вотчинах, по всем делам, кроме крупных уголовных, определяется статьями двенадцатой главы Уложения. Управленческий аппарат Патриаршего двора состоял из Приказов, аналогично системе государственной власти. Судебные и административные функции разделены не были. Верховным судьей был патриарх, которому судьи докладывали проекты приговоров. Несправедливый приговор мог быть обжалован Боярской думе и царю [7, гл. 12, ст. 2]. Управление Патриаршей областью было выстроено по аналогии с управлением государством. Были сформированы патриаршие приказы, которые по статусу приравнивались к государственным учреждениям, во главе с патриаршим боярином, в подчинении которого находились дьяк и поддьячие. В частности, патриарх имел свои собственные четыре Приказа: Дворец - ведавший общим управлением патриарших вотчин; Разряд - занимающийся учетом патриарших служилых людей, назначавший им место службы и денежное и поместное жалование; Казенный - ведавший финансами; Судный - занимавшийся разбором судебных дел [Там же, гл. 18, ст. 1]. В отсутствие патриарха управление патриаршей областью передавалось царю [11, с. 215].

Особенный интерес для нашего исследования представляет собой тринадцатая глава, в которой говорится об особом органе управления - Монастырском Приказе. Он являлся государственным учреждением с функцией высшего судебного органа по «тяжебным», т.е. спорным делам по гражданским и наиболее важным уголовным делам для монастырей, монастырских людей и церковной иерархии, за исключением патриарха и его вотчины. Помимо осуществления суда по гражданским и духовным искам и населению церковных и монастырских вотчин в Приказе рассматривались взаимные иски духовных лиц. Духовные лица, выступающие истцами и ответчиками по мелким делам, подлежали суду местных воевод. Кроме того, в Монастырский приказ из Приказа Большого двorca были переданы все монастырские и церковные земли. Правительство под давлением дворянства категорически запретило церковным иерархам и церковным учреждениям

приобретать новые земли или брать в заклад родовые, выслуженные или купленные вотчины и внесло это решение в Соборное Уложение [7, гл. 17, ст. 42]. Там же говорилось о запрете передачи родовых и выслуженных вотчин при пострижении владельцев в монастыри. Определялось, что вотчины должны были оставаться у родных новопостриженного, которые обязаны были вносить денежные средства на содержание ушедшего в монастырь родственника [Там же, ст. 43-44]. Наряду с этим Монастырский приказ был финансовым, административным и полицейским органом по отношению к церковным учреждениям. Монастырский приказ изымал церковное имущество, занимался припиской одних монастырей к другим, сменял и назначал архимандритов, игуменов, поставлял епископов и вмешивался во многие церковные дела, контролировал церковный суд. Главой Монастырского приказа был царский окольничий, а с 1655 г. из состава судебной коллегии приказа были исключены священнослужители [1, с. 85-87]. Иными словами, сложилась ситуация, при которой высшее духовенство подпадало под юрисдикцию Монастырского приказа, теряя свои административные и судебные привилегии. Но все-таки Церковь продолжала оставаться крупнейшим землевладельцем и создавать привилегии - например, иметь своих служилых людей. Этой привилегией, в частности, обладали патриарх, митрополиты, архиепископы [2, с. 403-404, 409-410].

Таким образом, Уложение царя Алексея Михайловича явилось своеобразным камнем преткновения между его властью и церковным авторитетом. Одним из основных шагов по ограничению экономической независимости Церкви стало запрещение Соборным Уложением иметь монастырям и священнослужителям свои слободы и торгово-промышленные заведения на посадах. Слободы и вотчины, принадлежавшие церковным властям в городах, на посадах и около них были взяты «за государя в тягло и в службы» [7, гл. 19, ст. 1, 8, 9]. Данная мера коснулась не только церковных, но и всех частновладельческих слобод, но основной удар пришелся на церковную собственность, поскольку на нее приходилось не менее 60% всех слобод [8, с. 352].

Неудивительно, что положения Соборного Уложения, касающиеся утраты Церковью финансовой и судебной независимости, были встречены в штыки многими церковными иерархами, в первую очередь патриархом Никоном. Последний смог противопоставить целое богословие, основанное на верховенстве патриаршей власти (священства) над царской, что нашло свое отражение в знаменитом памятнике литературного и богословского творчества «Возражение, или Разорение смиреннаго Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы». Критика проводилась с позиций богословия и следования древним византийским церковным канонам. Главным аргументом, постоянно приводившимся Никоном в споре о церковном суде и имуществе, был постулат о том, что все в Церкви, в том числе и суд, принадлежит Богу, а высшие иерархи лишь распоряжаются имуществом и дадут ответ за это перед Богом: «Патриарх и сам Божий раб и служитель Святыя Церкви и ничтоже имеет своих вотчин, но что есть слободы и крестьяне - Божие наследие...» [5, д. 140, л. 868]. И далее продолжает свою мысль: «Наше достояние не суть ли наше достояние Божие есть достояние, и якоже древле, по Божественной заповеди, одесятствоваша людие...» [Там же, л. 877]. В составленном своде законов патриарх видел хулу на Бога и действия Антихристовы: «И того ради умыслиша, якоже ты, князь Никита, новый закон написал советом антихриста, учителя твоего... Не суть ли дьявольский сей закон, ей, самаго антихриста...» [Там же, л. 732 - 732 об.]. Эти слова были вызваны тем, что составители в предисловии Соборного Уложения подчеркивали, что оно было составлено на основании книги правил святых апостолов и канонов святых отцов, судебников прежних великих государей и проч. Патриарх восклицал: «И что ис правил выписал, ис которых правил?.. Отвещай в которых то правилех написано, что суд великого государя царя, а не Божий? Мы же ти рехом выше и ныне глаголем, яко суд Божий есть... И царие слуги суть Божии» [Там же, л. 568]. Никон справедливо видел опасность, нависшую над Церковью в виде утраты ею экономической, а потом и идеологической самостоятельности. Он прямо указывал, что в создании несправедливых законов, отражающих несправедливые порядки в государстве, вина лежит не только на прямых составителях Соборного Уложения, но и на вдохновителе всего задуманного - царе Алексее Михайловиче: «Царское величество разширился над Церковию, чрез все Божетвенныя законы, своим достоинством, а не законом каким либо Божиим» [Там же, л. 891]. И далее поясняет свою мысль: «Не точию что приносит создавшему его Богу по некоему преданию древних отец, но и прежде данное святых велицей Церкви благочестивыми прежде бывшими цари... все усвоил в свои потребности...» [Там же, л. 910 об.]. Также подвергались критике патриарха статьи Уложения, касающиеся суда, особенностей качества и количества наказаний духовных лиц. Обращаясь к Н. И. Одоевскому, он писал: «Смотри... сам свидетельствуеши, что при прежних государех... на патриарших приказных и на дворовых людей... суд давали на патриаршем дворе. А ты и самого патриарха в суд мирской низвел...» [Там же, л. 727 - 727 об.]. По поводу подсудности светскому суду духовенства патриарх восклицал: «Покажи нам, где есть во апостолских и святых отец... законов... судити боярам и окольничим и думным людям... и всяким приказным людям и судьям патриарха и митрополитов... и весь духовный чин?» [Там же, л. 717]. Никон также ставил в упрек составителям Соборного Уложения, что, во-первых, они подменяли церковный суд светским: «Да которая правда в проклятом твоём списании, а аще кто патриарха обесчестит, и по суду и по сыску оваго головою отослать судил еси, оваго бить кнудом, инога бить батоги, инога в тюрьму, на ином бесчестие править. Яко же выше сего твое безумное и проклятое беззаконие избразися» [Там же, л. 710 об.]. А во-вторых, патриарх видел несправедливость в том, что за аналогичные преступления против светской знати наказания были тяжелее, чем за преступления против духовных лиц: «Не послушал си писанного: не познай силна и убога на суде, яко суд Божий есть.

Себе и подобных себе мест всем несравнениу положил. За патриарха бить батоги, а за митрополитов и епископов сажать в тюрьму, а себе сугубо бить кнутом да на две недели в тюрьму» [Там же, л. 712 об.].

Поскольку к началу XVII века 1/3 всех феодальных владений в России были церковными землями [6, с. 65], вопросам ликвидации возможностей земельной экспансии Церкви уделялась вся шестнадцатая глава Соборного Уложения. Рассматривая главу, ясно видим, что все статьи являлись новыми по смыслу и содержанию, хотя государство давно делало попытки решить данную проблему. Первой попыткой ограничения церковного землевладения нам видится еще принятый в 1581 г. Соборный приговор, по которому монастырям запрещалось приобретать родовые вотчины, однако оставалась возможность отдать вотчину в монастырь «по душе» с условием, что ее впоследствии выкупит род завещателя у монастыря. Позднее это правило применялось и на владельцев выслуженных вотчин [Там же]. В период Смутного времени отданные в монастыри по завещанию вотчины выкупались крайне редко из-за пересечений родов и финансовых неурядиц. К времени принятия Соборного Уложения таких невыкупленных вотчин скопилось довольно много, и государство новым сводом законов определяло порядок и условия выкупов. По мнению ряда исследователей, Соборное Уложение подтвердило мысль, что господство в Русской Православной Церкви стало принадлежать царю [8, с. 293-244]. Косвенным подтверждением этого положения может служить официальное решение Церковного собора 1660 г.: «ему же (т.е. царю) свою Церковь Господь преда, обязав его о благочинии церковном тщаться» и «о православных Церкви благостроения попечение творити» [Там же, с. 294].

Таким образом, проведя анализ государственной политики по отношению к РПЦ во второй половине XVII в. на основе положений Соборного Уложения 1649 г., можно сделать следующие выводы: во-первых, в Московской Руси XVII в. происходили процессы трансформации государственно-церковных отношений, базировавшиеся на глубинных причинах изменения общественного сознания и мировоззрения высших слоев общества. Во-вторых, государство во второй половине XVII в. ставило своей задачей установление контроля над всеми сферами церковной жизни, в первую очередь над материальной составляющей РПЦ. Важным элементом проявления такого контроля явилось то обстоятельство, что Соборное Уложение, будучи светским законодательным кодексом, стало регламентировать вероучительную, материальную и судебную жизнь Русской Церкви, во многом подчинив ее нуждам государства.

Список литературы

1. **Богоявленский С. К.** Приказные судьи XVII века. М. - Л.: Изд-во Академии наук, 1946. 315 с.
2. **Горчаков М. И., свящ.** О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Священного Синода: 988-1738 гг. СПб.: Типография А. Траншиля, 1871. 558 с.
3. **Иловайский Д. И.** Отец Петра Великого. М.: Чарли, 1996. 624 с.
4. **Макарий (Булгаков), митр.** История Русской Церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. Книга седьмая. Первый отдел. 670 с.
5. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 27. Оп. 1.
6. **Самодержавное царство первых Романовых** / сост., предисл., комм. Г. В. Талиной; под ред. С. В. Перевезенцева. М.: Социально-политическая мысль, 2004. 328 с.
7. **Соборное Уложение 1649 года** / Г. В. Абрамович, Л. И. Ивина, А. Г. Маньков, Б. Н. Миронов и др.; редкол.: В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях. Л.: Наука, 1987. 448 с.
8. **Талина Г. В.** Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII - первой четверти XVIII века. М.: Русский Мирь, 2010. 448 с.
9. **Устюгов Н. В., Чаев Н. С.** Русская Церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в.: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни / ред. Н. В. Устюгов и др. М., 1961. 440 с.
10. **Христианство:** энциклопедический словарь: в 3-х т. / ред. кол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 2. Л-С. 671 с.

STATE POLICY IN RELATION TO RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1649 SOBORNAL CODE REGULATIONS

Vladimir Dmitrievich Chernykh

Department of History and Political Science

Voronezh State Technological Academy

marselles2006@mail.ru

The article is devoted to the problems of the transformation of state power and church management relations in the second half of the XVIIth century especially concerning legal, property and interpersonal relations. The author considers the attitude of top church leaders in the person of patriarch Nikon to state policy concerning Russian Church independence limitation from state power control.

Key words and phrases: state and church relations in the XVIIth century; 1649 Sobornal Code; Russian Orthodox Church; patriarch Nikon; Monastery Department; church landowning limitation.